

[00:19:30]

Руслан Гринберг: Приветствую людей, пришедших на нашу конференцию. Очень-очень грустно. Господин Горшков, это очень точное социологическое наблюдение. Как с этим быть? Это главный вопрос современности. Он меня очень мучает как человека социал-демократических убеждений. Я вам хочу сказать, с 7 лет я социал-демократ, потому что я был сыном большого начальника, это было в Азербайджане, мой папа строил Мингечаурскую ГЭС и был богатым человеком для того времени. И поскольку не было отдельных школ для барчуков, я учился в обычной школе и видел ужасающую нищету вокруг себя, несмотря на то, что для меня было ясно и с детского сада, и с 1-го, 2-го класса, что мы все равны, что справедливость победила. И тогда я даже начал работать Робин Гудом – обворовывал собственную семью, пару раз вынося своим девочкам и мальчикам те вещи, которые принадлежали мне. Меня поймали на этом, но я все равно не утратил социал-демократические ценности с того времени.

Но это не главное. Главное, что мы все в кризисе. Не только кризис капитализма, но есть и кризис социал-демократии. И я не знаю, что с этим делать. В Европе мы наблюдаем провал социал-демократии за исключением Германии моей любимой. Я очень надеюсь, что Ангела Меркель – очень уважаемый человек, но все-таки она перестанет быть канцлером этой осенью, хотя мне говорят, что это иллюзия, все равно немцы проголосуют за Ангелу Меркель. Но мне ближе, конечно, Мартин Шульц.

Мы сегодня поговорим на эту тему. Каждый из моих участников скажет что-то об этом. Я думаю, по 8 минут мы каждому дадим.

Слева от меня академик Горшков, он директор едва ли не самого авторитетного социологического учреждения в России. По крайней мере я доверяю их работам. И, может быть, мы начнем как раз именно с этого. И потому что у него единственного есть презентация, мы ему дадим 10 минут, так и быть. Михаил Горшков, прошу, ваше слово.

Михаил Горшков: Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я попробую хотя бы вкратце ответить на вопрос о чистоте наших рядов, по крайней мере по признаку, и почему аудитория такая. Причем не только словами, но и конкретной презентацией, в которой будут содержаться результаты наших многолетних многочисленных исследований.

Начну с того, что ответ социально-демократический на этот вопрос – кризис капитализма можно искать в разных координатах. Можно по территориальному признаку – на российской почве, вне российской. А можно, например, в структурах сознания общества. Кто-то ищет ответы в структурах экспертного сознания, или сознания наших партийных

вождей, идеологов. На мой взгляд, который является не просто взглядом, а уже обобщением многолетнего опыта, самый верный путь – обратиться к результатам функционирования, тем более в условиях трансформации, радикальных перемен общества, перехода одной системы на экономическую и политическую другую, и к недрам, к состоянию массового сознания, сознанию большинства населения страны, и посмотреть, что с ним происходит в этот период. И тогда мы поймем, что наши экспертные оценки по отношению к тому, почему зал такой, и можно ли это экстраполировать на социальные слои нашего общества, окажется не очень точным, потому что, что касается социальной почвы для этих идей, она гораздо шире и глубже. И я, как мне кажется, на очень убедительных цифрах это покажу в завершение своего выступления. Но вначале хочу сказать, что, по сути, те изменения, которые произошли за годы реформ в российском массовом самосознании, они связаны по своей сути с формированием моделью мировосприятия, как раз основанной на социал-демократической идеологии. Другое дело, что так называемые носители массового сознания, они не этой терминологией пользуются, и не той терминологией, которая введена в программу нашей конференции и нашего круглого стола. Иначе говоря, большинство населения мыслит не доктринально – это очень важно нам понять, как проводникам этих идей, убежденным сторонникам этой идеологии, – а мыслит инструментально. И если мы перейдем в общение, в диалог с обществом на язык повседневности, на язык тех реальных базовых интересов, которыми реально обладает большинство населения, и готово их отстаивать, мы поймем, что те идеалы, которые мы формулируем в строгих терминологических понятиях, оперируем смыслами, которые немножко отстают от понятия повседневности наших российских граждан, или слишком их опережают, наоборот, тем самым получают некие ножницы, которые не позволяют нам найти ту оптимальную форму диалога с обществом, которая позволила бы укрепить институционально эту базу опоры социал-демократических идей в обществе.

[00:25:42]

Что я бы хотел в этом контексте отметить? По данным наших исследований получается очень интересная идея, как тенденция, которая проявилась за последние 7-8 лет. Мы это даже «ограниченный предысторический срок» называем. Мы обнаружили этот перелом где-то на 2006-2007 году. Социальная компонента массового сознания все в большей степени начинает доминировать над политической и экономической составляющей именно массового сознания. Социологический маркер данной тенденции, который фактически проявляется в каждом нашем исследовании – это трактовка большинством наших сограждан понятия самой демократии, ключевого для понимания стержня социал-демократической идеологии. И возникает вопрос: что такое сегодня демократия для

большинства наших сограждан? Посмотрите, как интересно получается. Это, прежде всего, повышение жизненного уровня людей. Есть это повышение – человек считает ситуацию в стране демократической. Нет этого повышения, не добавляется оно, происходит обратная тенденция – он считает это не демократией.

Второе. Реализация принципа социальной справедливости и обеспечение равенства всех граждан перед законом. Есть это – одна ситуация. Нет этого – он иначе оценивает демократическую систему в стране.

И третье – это обеспечение социального порядка. Вот, если хотите, три слона, на которых стоит понимание демократии в России по-российски. Это, конечно, не совпадает, как вы чувствуете и видите, с учебниками политологии, которые издаются и у нас, и тем более за рубежом, где демократия трактуется через определенную систему институтов, которые обеспечивают те или иные права и возможности, свободы граждан. Но это есть некая реальность массового сознания, и с ней надо считаться, если мы хотим, чтобы наши идеи проникали вглубь социальных слоев, и получали какую-то поддержку. И учитывая подобные акценты, нетрудно понять. Почему? Приведу несколько любопытных цифр.

Почему 52 % россиян, отвечая на вопрос «А является ли Россия сегодня демократической страной?» отвечают «Да», 28 % отвечают «Нет», а еще каждый пятый не может определить степень демократической развитости Российской Федерации сегодня. Вот вам результат, выходящий из той трактовки и понимания демократии, как системы, обеспечивающей жизнестойкость человека в современном российском обществе.

Понятно также, на мой взгляд, почему стабильность в обществе выходит сегодня по своей значимости для большинства граждан на уровень общественного блага. Задумайтесь. Состояние ситуации в стране как стабильное оценивается сегодня большинством наших сограждан как общественное благо, от которого большинство населения не готово отказаться даже в ситуации призыва к каким-либо переменам, но не гарантированных для того, чтобы уровень жизни, например, народа повышался. Если этой гарантии нет, на риск большинство нашего общества – в силу разных причин, наверное, и о них наверняка будут говорить – население не готово.

Ясно и другое. Почему для российской ментальности характерна такая особенность, что в разных моделях экономической деятельности людей экономические стимулы начинают работать в полную меру только там и тогда, когда они сопровождаются стимулами социальными, а социальные стимулы, как известно, связаны, прежде всего, с чем? С обеспечением принципа социальной справедливости и недопущением избыточных неравенств в современной России просто зашкаливают, и это вам хорошо известно. По

официальным данным Росстата сегодня это около 16 раз – разница между верхним и нижнем децилем материальной обеспеченности по критерию душевого дохода, а по замерам, которые проводит не только наш институт, но и многие федеральные социологические службы страны, в среднем по России это 30-32 раза.

[00:30:05]

Я уже не хочу называть цифр, которые по мегаполисам сегодня мы выявляем по Москве и Санкт-Петербургу – они еще выше. Вот до какой степени избыточности этих неравенств мы дожили на 25-м году реформ в России. Безусловно, тут социал-демократический ответ должен быть таким громогласным, таким серьезным, таким глубоким, чтобы люди действительно поняли, что предлагаемая социал-демократами модель переустройства, обновления экономической модели существования современной России, нуждается в серьезных шагах.

И сейчас то, что я обещал – несколько презентаций, которые, на мой взгляд, органически совпадают с теми краткими выводами, о которых я говорил. Исходя из этого, как вы считаете, какой тип модели государства могли бы выбирать граждане, если бы им предложили этот выбор? Обратите внимание, свыше 40 % выступает за восстановление государственного сектора экономики, но вместе с расширением частных экономических и политических возможностей граждан. И почти 30 % за восстановление централизованно-регулируемой экономики, контроль над ценами. Но прибавьте к 41 % еще 9 %, которые ограничивают государственное вмешательство в экономику и поддерживают свободу частной инициативы. Половина-то населения, в общем-то, поддерживает смешанную экономику, эту модель, и на нее готово делать ставку.

Обращаю ваше внимание на отношение нашего населения к очень интересному вопросу, который мы мониторим уже порядка 20 лет, практически с первых лет реформ. Какие организации, по мнению наших сограждан, должны управляться государством, а какие частным сектором? Получается любопытная картина. Знаете, как по Ленину, он говорил: «Командные высоты в экономике за отраслями базовыми, ведущими – электростанции, железнодорожный, авиационный транспорт, промышленность металлургическая, машиностроительная. Продолжение этой картинки. Ряд областей народного хозяйства, которые связаны с обеспечением жизнесуществования – те же производства продукции питания, сельское хозяйство. Смотрите, как разделяются достаточно мудро. И возникает вопрос: почему столь длительно фактически распределение этих функций по отраслям и направлениям в народном сознании не меняется? Что такое модель НЭП, которая была введена еще в 1920-е годы, почему она так быстро и эффективно сработала? Не потому ли,

что все-таки экономические механизмы, экономические модели связаны с общественной психологией народа.

Я бы хотел провести связь определения наших шагов и предложений с тем богатством разнообразия понятия общества как целостность, которое все это и определяет с точки зрения выхода интегративного качества этого общественного состояния. Наверное, прошли те времена, и мы с Русланом Семеновичем в свое время много спорили, а потом пришли к выводу о том, что социально-экономическое – как минимум две эти части – неразделимы, и уж тем более они неразделимы в современном мире. Экономические и неэкономические факторы экономического роста тоже, получается, неразделимы.

Более того, я знаю очень интересные экспериментальные проекты, которые доказывают, что в условиях экономического подъема роль неэкономических факторов некоторым образом снижается, а в условиях экономической рецессии, наоборот, неэкономические факторы повышают свое значение в обществе, и помогают населению, народу справиться с теми проблемами, которые возникают в ходе, например, экономических кризисов.

Я сейчас дам один из главных уроков, который я выписал из очень интересного доклада Международного валютного фонда (МВФ), который ставит зубодробительный диагноз безудержному отношению к рынку. «Рынок бессильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулированным частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку». И вот вопрос вопросов. Мы часто об этом спорим: сколько должно быть государственного управления, какова доля, в каких сферах государства должно быть больше, в каких меньше? Вопрос надо ставить иначе. Не о том, где больше, а где меньше, а вопрос о качестве государственного участия в управлении страной, государством и разными отраслями народного хозяйства, потому что качество государственное управление сегодня настолько снизилось, что дальше снижаться ему просто некуда. Суда стоит на пороге очень глубокой и серьезной административной реформы в управлении.

[00:35:20]

И все-таки чтобы закончить на оптимистической ноте, обращаю ваше внимание к этим данным, которые показывают, что, несмотря на кризисные условия последних трех лет, посмотрите, как устойчиво оказалось соотношение россиян, которых мы назвали самодостаточными, которые готовы сами на себя брать ответственность за свою семью, и выживать в условиях кризиса, и доля того населения, которое само признается, что без поддержки государства им в сложных кризисных ситуациях не выжить. Это почти половина наполовину. И я считаю, что за этим субъектом действия будущее. Вот эти носители и

выразители социал-демократических идей и социал-демократической идеологии будущего.

Руслан Гринберг: Спасибо, Михаил Константинович. Думаю, это такая интересная картина нашей жизни. Мы все время спросим с ним на одну тему: что важнее, реальность, реальность, измененная экономистами, или восприятие реальности, которым занимается социология? И я в последнее время склоняюсь к тому, что восприятие реальности для человеческого самочувствия и для ощущения, счастлив он или несчастлив, все-таки восприятие реальности важнее, несмотря на все наши цифры.

Продолжу вопрос остальным участникам, и попрошу сейчас выступить известного политического деятеля России Геннадия Гудкова – показать, как он видит социал-демократию в социальной России. Уж больно она неприглядно выглядит, примерно так же, как в Европе. Но там хоть есть какая-то политическая конкуренция, а здесь мало того, что нет политической конкуренции, и в период стагнации, рецессии социал-демократическая партия тоже не имеет практически никакого влияния. Прошу вас.

Геннадий Гудков: Спасибо большое. Я постараюсь она называется «Круглый стол: ответ социал-демократии империализму (или капитализму)». Но для того, чтобы говорить об ответе, надо понять, кому мы хотим ответить. Если мировому капитализму, то, наверное, от нашего ответа мало что зависит.

Давайте мы разберемся, что построили стран, и как этому – тому, что мы построили – отвечать. Я начну с простых вещей, изложенных Марксом и Энгельсом – базис и надстройка. Базис – это производственные отношения, а надстройка – это политика, государство и так далее. И Маркс, и Энгельс еще тогда 100 с лишним лет назад говорили о том, что базис должен соответствовать настройке.

У меня вопрос к сидящим в зале, чтобы оживить дискуссию. А кто считает, что базис и надстройка сегодня не соответствуют? А я считаю, что соответствуют, и я постараюсь высказать свое абсолютно оценочное суждение о том, что мы построили.

Даже еще Маркс и Энгельс писали, что, дескать, капитализм вынужден давать буржуазную демократию, поскольку свободы, права человеку необходимы для того, чтобы не рушить рынок, дать свободу предпринимательства, не мешать производственным отношениям с точки зрения свободы рынка труда. Поэтому дают народу выборы, определенную свободу, убирают цензуру и так далее. Но нет, говорили Маркс и Энгельс, никакой экономической свободы, поскольку есть экономическая зависимость – одни владеют, а другие на них работают. А у нас чего? Я глубоко убежден в том, что у нас соответствуют базис и

надстройка. Мы построили с вами особый капитализм, его нельзя назвать даже капитализмом XIX века, потому что у нас с вами к власти периодически приходит одна и та же форма правления – бюрократическая номенклатура.

Кто помнит, в 1980-1990-е годы мы с вами клеймили партийную бюрократию, партийную номенклатуру, которая захватила не только всю политическую власть, но и фактически командовала всей государственной, то есть ничьей, собственностью. Правда, у них были идеологические ограничения, и они не могли набивать карманы. Но были льготы, привилегии – два водителя, хорошие квартиры, пайки и так далее. Прошло время. У нас с вами то сословие, которое должно служить обществу – а это называется бюрократы, чиновники, номенклатура, – они снова вернулись к власти. Они не только сейчас узурпировали политическую власть – никакого другого слова не подходит, – вся политическая власть сегодня захвачена этими чиновниками, во главе, безусловно, с главным нашим бюрократом, и они эту политическую власть обратили на службу своему состоянию, росту состояния. По большому счету, это сословие сегодня не только политически доминирует – а чтобы доминировать политически, нужно убрать эти свободы буржуазные, эти химеры, всякие свободные выборы, гражданское общество, свободную прессу и так далее, и тогда можно вечно править, – но второй совершенно необычный момент, что, наверное, ноу-хау России (может быть, и не только России) – это приход этих номенклатурных бюрократов к экономической власти. Все финансовые потоки, все основные средства производства приватизированы, прибраны к рукам или национализированы в интересах этой самой номенклатуры. Пожалуйста, мы знаем с вами «Транснефть», «Роснефть», «Газпром», все эти банки «ВТБ», «Сбербанк». Везде, где есть деньги, там сидят номенклатурные чиновники, управляют, и имеют либо бешеные оклады, либо бешеные откаты, либо какие-то иные источники дохода через своих, наших и так далее. Таким образом у нас и политическая, и экономическая власть в руках номенклатуры. Номенклатура не ограничена.

Царь был землевладельцем, он не мог проводить иную политику, если это шло поперек землевладения, сам против себя не мог воевать. В КПСС были ограничения, там была государственная собственность, и было государство так называемое рабочих и крестьян, там тоже нельзя было особо ничего делать. Нынешняя номенклатура лишена всяких ограничений. Нет ни идейных ограничений, идеологических, нет ни каких-то ограничений по формам собственности – вору не хочу, откатывай не хочу. В результате мы с вами сформировали коррупционное государство, номенклатуру, которая убила рынок, кстати говоря, убила свободу предпринимательства. Это какая-то ущербная форма капитализма, одинаково опасная как для капитализма, так и для любой социал-демократии. И эта

ущербная форма капитализма своей формой правления и целью сделала коррупцию. Абсолютно отсутствуют механизмы контроля.

У номенклатуры нет собственных экономических интересов. Царь был землевладельцем, коммунисты были без собственности. А какие интересы у номенклатуры? Затруднять работу экономики, чтобы вместе с номенклатурными чиновниками можно было их за деньги преодолевать, обогащая одних и давая возможность как-то дышать другим. Вот смысл и суть. Плюс к этому еще идет сращивание с определенной частью капитала. Весь наш капитал неконкурентоспособен на мировом рынке, и никогда не будет конкурентоспособен до тех пор, пока у него: а) тот, который процветает, он просто сидит на шее бюджета, и без политической и экономической конкуренции получает жирные куски прямо в рот глубоко, и он не заинтересован ни в эффективном управлении экономикой, ни в новых технологиях, ни в обучении персонала, ни в создании стартапов и так далее; 2) и есть второй вид бизнеса, который выживает, замученный поборами, всяким административным давлением и прочим, который неконкурентоспособен, у него нет прибыли для развития, он ничего не может.

[00:43:48]

Эта номенклатура – очень опасная штука, и так как она строится на быстром коррупционном обогащении, естественно, определенные правила... Давайте сейчас вспомним, я говорю, коррупция – форма управления. Посмотрите, у нас губернаторы воруют, мэры воруют, Хорошавин арестовывает в Сахалине, Гайзер арестовывает в Коми, министр Сердюкова ушел от ответственности знаем за какие заслуги, министр Улюкаев арестован. Премьер-министр у нас теперь, Димон, герой фильмов с просмотром в 15 млн человек, и выходом десятков тысяч людей на улицы. Вот такая у нас номенклатурная страна, то есть страна, в которой, по большому счету, сегодня форма собственности соответствует форме правления. Другое дело, что это ничего стране не дает и народу. И мы с вами находимся на политической и экономической обочине. Мы отстаем. Если Илон Маск сейчас делает переходные устройства для мозга с компьютером, то мы с вами духовные скрепы укрепляем. У нас уже религия пошла в школы вместо астрономии. Эта номенклатура, безусловно, чрезвычайно опасна не только для нас, но опасна как заразная болезнь для многих других стран, которые копируют наш опыт. Возьмите Туркмению, Киргизию в какой-то степени, Казахстан и так далее. Они слепок с наших плохих образцов. Беларусь та же. И, естественно, это задерживает развитие страны. Поэтому, если мы говорим сегодня об ответе социал-демократии, то мы с вами сегодня живем в условиях демократии отсутствия всякого. И главная задача сегодня социал-демократов... Давайте

говорить честно и откровенно, сегодня многие, кто паразитируют на социал-демократических лозунгах, в первую очередь начиная с президента и кончая всеми чиновниками во власти – абсолютное использование этих лозунгов для популистских задач. Никаких иных задач они не ставят, потому что они давно уже срослись, весь кооператив «Озеро», страна принадлежит Тимченко, Ротенбергам, Шуваловым, Димонам и так далее. Мы не можем сегодня почти ничего сделать в социальном плане, что мы можем и должны делать.

Социал-демократия состоит из двух частей: социальной (понятной) и демократической. Не вернув в страну демократию – это другой вопрос, как мы ее вернем, – мы ничего с вами никогда сделать не можем. Поэтому главная задача сегодня в этих исторических условиях российской социал-демократии, как это, может быть, ни странно звучит – это борьба за общие демократические ценности, которые должны вернуться в Россию и спасти страну и от будущих катастроф, гражданских войн, революций, столетие годовщины которой мы отмечаем в этом году, и прочих потрясений. Это главная задача. И если мы в этом отношении выступаем союзниками с другими демократическими силами, у которых противоречащие взгляды на экономическое устройство, на роль государства, на регулирование, то совершенно очевидно, что это главная задача, без решения которой не будет в стране ни либеральной демократии, ни христианской демократии, ни социальной демократии, никакой не будет, а будет опять продолжение деградации страны, скатывание ее в болото третьеразрядных государств, и будущие потрясения, которые нам совсем не нужны. Наверное, это и есть ответ социал-демократии на вызовы сегодняшней современной российской политической реалии. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо. Дорогой Геннадий, скажите мне, пожалуйста, вы считаете, это аксиома, что если начинать реализацию социал-демократии, надо всем бороться сначала за демократию? У меня такое ощущение, что, может быть, есть другой выход? Может быть, все-таки социальная составляющая должна иметь приоритет? Ведь в 1990-е годы почему у нас дискредитирована демократия, дискредитирована сама свобода всего? А именно потому, что под ее лозунгами было абсолютно уничтожено социальное государство, которое, какое-никакое, было в советское время. Потому что, я даже помню, спор у меня был с самим Яковлевым, членом Политбюро, известным либералом тогда. Он говорит, что «Россияне не любят свободу. Что с ними делать?». Я тогда ему возразил, что «А почему они не любят свободу?». И он привел такую поговорку: «Не зря же есть такая поговорка "Свободу на хлеб не намажешь"». На это я ему возразил спонтанно: «А если нет хлеба и если нет, что мазать, то тогда свобода не нужна ведь». Это было, может быть, самое

серьезное поражение демократической трансформации, о которой говорил. Я не хочу, чтобы вы сейчас отвечали на вопрос. Будет еще интервенция у вас по этой теме.

Пока я дам слово профессору Соммерсу из Висконсинского университета в Соединенных Штатах Америки. И хочу ему задать вопрос о феномене, который должен был состояться. Меня поразила президентская гонка в США, где Берни Сандерс, если бы он победил от демократической партии, мне кажется, он бы гарантированно победил Дональда Трампа. Если это так. Но вообще это интересный феномен. Потому что, когда послушал его речи – это не то, что левый социал-демократ, это почти Ленин. Я имею в виду государственное здравоохранение, государственное образование. Почему это вызвало удивительную поддержку народа Соединенных Штатов? У меня к вам такой вопрос.

[00:50:19]

Джеффри Соммерс: Сначала я покажу свою презентацию, и обсужу вопрос, связанный с президентскими выборами, и отвечу на вопрос профессора Гринберга, что у нас было между 1930-1970-ми годами в Штатах. Это было похоже на социал-демократическую экономическую политику на внутреннем фронте. Это создало наиболее важное влиятельное сознание, Hamburg University, который называли жизненным центром.

Я хочу предложить следующую идею. По мере того, как США уходили от социал-демократической политики вначале 1980-х годов прошлого века, сейчас мы создали реакцию против этого центра в США. Поэтому у нас есть движение как справа, так и слева, которые выступают против центра. Поэтому у нас есть очень длительный экономический кризис с 1970-х годов прошлого года, и с расколом, который произошел в Америке. И мы видели падение среднего класса и рабочего класса, который трансформировался в том, что британский социолог называл прекариат (precariat), то есть класс рабочих, у которых нет обеспеченности, безопасности. С 1970-х годов у нас была стагфляция, и некоторые экономические решения были применены для... Высказывает предположение, что экономике не хватает частных инвестиций, что были слишком высокие налоги, и нам надо было бы перераспределить прибыль, доход наверх, чтобы богатые не слишком тратили все деньги, и чтобы они могли инвестировать их, а не только тратить на себя в инновации, в новые образы, что возобновило экономический рост. Сработало ли это, повысилась ли степень инвестиций из-за этой политики, которая проводилась в 1980-х годах? Или составили ли более высокий ответ на этот вопрос? Нет. Вместо этого произошло следующее: экономика была финансирована. И не восстановление произошло.

Вы имели финансовый сектор с точки зрения процентов от корпоративных доходов, которые забирались с 1980-х годов, 20 % корпоративных доходов. К 2008 году они

забирали почти 50 %. Представьте себе, как они разрослись, как они разбухли. Финансовый сектор не может же оправдать, что бы они ни делали, более половины всей корпоративной прибыли. Финансовый сектор стал не добавляющим прибавочную стоимость, а высасывающим ее.

У нас была ситуация, когда были весьма высоки ставки налогообложения. Сейчас высказываются предположение, что это влияло отрицательно на экономический рост. Сейчас, если мы также посмотрим на первые 10 % самых богатых американцев, то мы увидим, что во время этого периода, во время социал-демократической политики, с точки зрения налоговой политики, между 1930-1970 годами прошлого века они брали около 30 % на богатство, и это выросло к 2008 году до 50 % всего богатства в стране. Поэтому заработная плата, выплачиваемая рабочим, начала сокращаться, как процент ВВП.

Вот вам пример последовательности приложения этой политики. Корпоративные доходы растут. Инвестиции в НИОКР в это время также стали сокращаться. И видим, что эта экономическая ортодоксия экономики, связанная с предложением, привела к социальной стагнации. И вы видите, высокий уровень накопления не привел к повышению уровня инвестиций. Люди очень много откладывают, но инвестиции невысоки, не коррелируются с этим.

[00:55:40]

За это время у нас был возврат к социал-демократической политике нового плана, которую начал еще Рузвельт, и Демократическая партия за это время стала группой людей, которые уже больше не представляли рабочий класс, они представляли свой класс профессионалов. Ответы на эти изменения начался в Калифорнии, когда у нас было серьезное восстание против налогов. Была предложена 13-я поправка в Калифорнии. Произошло следующее. Рабочий класс осознал, что раз они не могут поднять свой доход, по крайней мере они могут добиться снижения налогообложения. Поэтому эта ситуация стала вызывать экономический дисбаланс во всей стране – то, что у них стало оставаться меньше денег в кошельках, постигло сильное разочарование. Прошли выборы, выиграл Барак Обама, который предлагал и обещал изменения и движение вперед. Так, во всяком случае, говорили его плакаты. У нас было это предложение 2013 года, реакция против налогов, которые поступали от реакционных правовых политиков. Они говорили, что экономические проблемы заключаются в том, что слишком низкие налоги, и нужно высказываться против иммиграции.

Во время пребывания Обамы на посту президента, в отличие политики Рузвельта, почти все экономические советники Обамы принадлежали к истеблишменту, а большинство

советников Рузвельта выступали против того, как думал истеблишмент. Результат недавних президентских выборов – это отказ от политики династий, как Буш, Клинтон. У нас были новые люди. Берни Сандерс появился на политической арене, и произошло новое движение компании президента Обамы, который предлагал реальные изменения, реальную надежду. Он использовал эти термины. И это было опять большое давление на центр. Кто мог предположить это в прошлом до 2016 года? Но он выигрывает там выборы, и он определил эти правила у Демократической партии, которые не позволят ему выйти.

Но у нас есть сейчас движение против центра с правой стороны. Что не нравится старому истеблишменту – это образ уважаемого эстетически чистого человека. Сейчас мы видим, что образ Кеннеди заменился образом богатея, который не стесняется хвалиться своим богатством.

Представляя разочарованных американцев, которые не видят себя частью этой элиты, и желающих присоединиться к этому классу новых богатых, я бы сказал, что нам требуется социал-демократический период в американской политике. Нам нужно построение инфраструктуры, физической, человеческой. Нам необходимо отойти от политики с точки зрения спроса на политику, реализуем свои предложения. И эта дисциплина должна быть введена, и чтобы финансы были приведены к состоянию дисциплины, чтобы финансировать индустриализацию США.

Руслан Гринберг: Спасибо большое. Это очень интересная презентация.

[01:00:17]

Сейчас я передам слово моему другу Гжегожу Колодко. Какое настроение социал-демократов в Центральной Европе сейчас имеется? Почему в Польше демократия провалилась?

Гжегож Колодко: Ваш вопрос звучит так, что это действительно потерпело поражение в Польше. Но все зависит от определений. Демократы в правительстве сказали: «У нас есть демократия, потому что мы можем демонстрации устраивать, выйти на улицы, и никто не будет арестован, как это случилось в Москве». Оппозиция скажет, что это не демократия, потому что правительство не учитывает мнение меньшинства, и не принимает это к сведению. И есть разные законы и интерпретации. Мы большинство в парламенте, основанное на демократическом выборе избирателей, и мы просто соблюдаем закон в соответствии с нашей волей, а наша воля – это воля народа.

То, что касается демократии – конечно, есть разные течения и понимания, но подходя к этим проблемам, конечно, интеллектуально это возможно осуществить. И я бы хотел

сказать, как эта политическая среда, а не только проблемы, и в странах Центральной Европы есть примерно 16 стран, включая Косово, за исключением Беларуси, Украины. Конечно, это конгломерат очень разнообразных отношений, как будто мы сидим в одной корзине. И в таких союзах, как Босния и Герцеговина, и у Чешской республики в Македонии в Польше, и даже в Эстонии и Сербии образуется очень сложная ситуация.

Есть некие элементы недостаточности политической культуры. Демократия и рынок. Мы должны учитывать этические моменты, должны учитывать плюрализм, экономическую активность. Мы здесь сделали серьезный прогресс в моей стране Польше. И также очень многое было сделано в республиках постсоветского периода, в том числе в России в сторону политической демократии, рыночной экономики. Но третий переход или трансформация – это к новой культуре и к новой морали, к новой этике. Это все равно еще предстоит сделать. Здесь мы отстаем от таких стран, как Словакия и Эстония, рядом с Финляндией и Албанией, рядом с Италией. Конечно, Италия далека до того, чтобы быть идеальной демократией, и с экономикой там есть проблемы.

[01:05:00]

Видя эти соседские отношения, в Центральной Европе и других уголках есть разочарование, и такое ощущение, как будто демократия не очень четко работает, и рынок не всегда спасает нас. Но если вы посмотрите, что происходит в Польше – у нас нет рецессии, у нас развивается экономика, и доходы частного сектора растут. Кроме того, не снижается и заработная плата. И компенсация рабочим сейчас часто растет быстрее, чем ВВП. Но это не совсем правда, не совсем правильно. Тем не менее, люди все равно выходят на улицу. Они протестуют не против каких-то экономических недостатков. Конечно, выходят и учителя, и медики, и другие профессии, но больше всего они выступают против бюрократии, недостаточной демократии в некоторых институтах, и, в принципе, чем неплохие новости. Это как раз та энергия гражданского общества постсоциалистических стран.

Но с точки зрения долгосрочности, устойчивого экономического роста, развития, конечно, мы находимся в системном институциональном кризисе, но это кризис не ценностей, а просто недостаток ответов на базовые вопросы, ответов о том, как организовать экономическую деятельность, что сделать для того, чтобы инвесторы снова были с нами. Кроме того, и менеджеры должны работать более эффективно. Или то, что привносится.

Рыночная экономика – это некая альтернатива. Для этого нужно изменить эту парадигму для будущего, чтобы был социальный капитал, чтобы было единение общества, чтобы была справедливость и другие вещи. Конечно, этот неолиберализм привел к серьезным

последствиям и в экономике, и в политике. Начался он в США. В Греции, например, это, безусловно, последствия неправильного государственного капитализма. И враг моего врага не становится моим другом. Конечно, это враги неолиберализма. И здесь нужно очень четко выбирать друзей и союзников. Нам нужно помнить, что в период капитализма возникают кризисы, структурные кризисы. Это гетеродокс. И стараемся выстроить новую конструкцию на старых основах. И это во время необратимой тенденции к глобализации. Нам нужно понять, как лучшим образом распорядиться этой реальностью, избавившись от бюрократических недостатков, и использовать в полной мере интеллектуальный капитал.

Руслан Гринберг: Большое спасибо, Гжегож. Дэвид Лайбман из Соединенных Штатов.

[01:10:00]

Дэвид Лайбман: Мне бы хотелось начать с того, чтобы изменить название этой панели – вместо кризиса и социал-демократического ответа я бы хотел сказать, что это кризисы. И я бы так ответил, что левопрогрессивный ответ – это возможные ответы различным кризисам, которые действительно повлияли на глобальную капиталистическую экономику.

Конечно, мы знаем, что происходит этот финансовый кризис, деиндустриализация, кризис здравоохранения, образования и много чего другого. И я хочу сказать то, что все эти кризисы, будь-то единичные или все вместе, не приводят к политическим прорывам, каким-то новым альтернативам в среднесрочной или долгосрочной перспективе. Эти политические прорывы действительно требуют серьезного понимания, что происходит с обществом, потому что есть революционеры, и те, кто идут революционным путем. И я хочу рассказать вам об опыте Соединенных Штатов.

Берни Сандерс упоминался предыдущим оратором. Что касается господина Сандерса, я тоже участвовал в этой кампании. И меня впечатлил факт, что Берни Сандерс назвал себя социалистом. Это уникально для американской политики. Никогда в рамках мейнстрима не использовали такой термин. Это было беспрецедентно. Он очень часто говорил, что его социализм – это социализм Франклина Делано Рузвельта, и социализм, который может принести облегчение людям, которые страдают от различных кризисов капитализма. И я думаю, это социалист мелиоратора. Это мелиоративный и системный социализм. То есть это просто некая шлифовка – делать эти вещи несколько лучше. И Берни Сандерс просто хотел провести косметический ремонт. Начиная с Карла Маркса и Ленина эти революционные движения в Европе и в других странах – это действительно системный социализм.

Хочу сказать вот что. Все эти социалистические традиции поднимают очень важные вопросы – это революционеры, социалисты, кого бы мы ни имели в виду, задают вопрос: каким образом вы серьезно можете ожидать, как вы можете подлечить этот классический капитализм? Как вы можете это сделать для того, чтобы выступить против мощной силы капитализма? Правящий класс, класс миллиардеров. И все то, что вы можете сделать – это просто подрисуйте красивую картинку, но не более.

Конечно, есть еще очень много вопросов. Мы марксисты, мы еще несерьезно воспринимали их. Это вопросы такого плана. Если вы перевернете это общество, и создадите абсолютно новое общество на новых основах, тогда вы встретитесь с последствиями, которые очень трудно даже себе представить. Например.

[01:14:54]

Что касается политической власти, это вы откроете место для авторитарных режимов. Для того, чтобы создать такую основу для политического прорыва, для того, чтобы объединить всех людей, которые могли бы осуществить эти мощнейшие изменения, две эти точки зрения в левом лагере и в другом лагере, они должны общаться и предложить все эти вопросы, которые вызывают беспокойство, например, революционная сторона вопроса. И просто подрешутировать, подремонтировать этот капитализм. Эта дискуссия должна продолжаться, и это очень серьезные вопросы. Это не просто поиск ответа на только что возникающие вопросы. Речь идет о серьезных глубинных процессах.

Если мы можем сделать это, если мы сможем обратиться к таким вопросам серьезно, и если мы сможем такие вопросы обсудить – либералы и те, кто беспокоится о состоянии масс, – а также вопросы, которые связаны с нежелательными последствиями после этих революций, когда мы ответим на эти вопросы, тогда мы сможем эти элементы кризисов капитализма превратить в явление, которое эти кризисы сможет направление, которое сможет сделать так, чтобы обществу жилось лучше. И здесь мои надежды. И я думаю, мы все должны способствовать началу этого диалога с левыми силами. Спасибо большое.

Руслан Гринберг: Большое спасибо. Фантастическое выступление.

А сейчас слово Марко Риччери. Пожалуйста.

Марко Риччери: Итальянский ответ. То, что мы сейчас видим перед собой – это кризис политики. И слева, и справа. И мы также наблюдаем также и кризис традиционного устройства и мира, и государства. Существуют трудности для того, чтобы дать правильный ответы этим глобальным процессам, которые мы видим перед собой на столе. И эти вызовы влияют на структуру общества. И то, что касается уровня жизни, работы, будущего

жизни, и так далее. То, что мы видим в Европе. И даже уроки этих выборов в Соединенных Штатах, и референдум в Европе – конечно, такой лидер, как Кэмерон, начал эту процедуру референдума, а потом был очень удивлен результатами. То же самое, как и Клинтон, которая потерпела поражение. И наш премьер Ренци тоже фактически сделал высокие ставки, но потерпел поражение. И если мы начнем разбираться, что происходит в этих сообществах, в этом обществе – это происходит в обществе, где неравенство развивается сильнее и сильнее, и двигает их. И если экономическое развитие создает неравенство, то реакция людей отрицательна по отношению к действующему правящему классу, политическому классу, будь-то слева или справа.

[01:20:17]

И это происходит. И социологи могут четко измерить эти настроения. И наша европейская сеть, мы пришли к результату, что если бы в прошлом мы могли бы измерить, что хочет рабочий класс, а сейчас мы не можем даже понять, что это за класс – рабочий класс, который не может себя защитить. Тогда бы мы смогли понять более четко суть этой проблемы. И наши законы, наша модель создает этот прекариат, и формирует очень сложную социологическую группу. И это необходимо учитывать, каким образом ответить на этот вызов. Для того, чтобы вкладывать больше денег в социальную поддержку и помощь, вряд ли это решит проблему. Проблема прекариата более глубока. Она касается их работы, взаимоотношений с семьей, обществом, а также лежит в плане их взаимодействия с самим обществом.

Когда я начал разрабатывать проект умного города, и стал объединять все технологические инновации в системы города, что, в конечном итоге, я создаю? Это действительно некое сообщество, где люди, ведущие индивидуальную, частную жизнь, имеют возможность соединиться с другими людьми. Или я создал некое общество, где индивидуализм достигает каких-то крайностей. В принципе, часть политического процесса и протеста невозможно измерить только экономическими факторами: «Дайте мне больше денег», «Помогите мне». Но это необходимо работать с ценностями, которые формируют общество более сознательное, более солидарное с властью. Вот в чем состоит суть. Поэтому я должен изменить свое видение, и сейчас на столе есть возможность осуществить изменение курса, и обращать больше внимание не на количество, а на качество, работать именно на тех ценностях, которые интересны всему обществу, над такими вещами, которые делают мою жизнь действительно ценной для того, чтобы я мог жить такой жизнью. Это реальные вызовы, которые предстоит решить политическим силам. И это как раз то место, где социальные ценности обретают всеобъемлющую ценность.

Не хочется повторять именно о тех вещах, которые просто связаны с помощью. В Европе мы достигли серьезных результатов с точки зрения социальной, свободной, рыночной экономики, но социально ориентированной. И, конечно, есть и двойственность. В этой ситуации мы должны четко работать, чтобы обеспечить эти этические ценности, чтобы обрисовать четкое будущее, какое будущее мы бы хотели построить. А иначе мы просто потеряем наших людей, и нечему будет удивляться, если этот политический кризис будет продолжаться.

[01:25:13]

Сегодня Европейский парламент выбирается всего лишь 40 % населения. Это означает, что большинство европейских избирателей отвергают этот институт, и считают его бесполезным, поскольку здесь не соблюдается принцип социальной рыночной экономики.

Кроме этого, в Италии это не столько популизм, но есть другая форма протеста. Партия – это пять звезд. Это как будто как реально не существует, но просто существует в виртуальном пространстве. Но это совершенно новая форма протеста – партия, которая существует виртуально, но может получить поддержку людей. Поэтому нам нужно работать для того, чтобы действительно реализовать концепцию, и наполнить содержанием эти проекты в перспективе.

Руслан Гринберг: Спасибо, Марко. А сейчас Монту Саксена.

Монту Саксена: Спасибо. Становится достаточно очевидным, исходя из того, что мы слышали здесь, и видим, что происходит в мире – мы находимся в ситуации, когда механическое понимание демократии разрушает общество. Демократия работает против социального аспекта. Это парадигма, которая уникальна во многих смыслах этого слова. Демократия предназначена для того, чтобы служить гражданам, чтобы люди могли принимать эффективные решения, чтобы были образованы, кому они передают власть. В то время в настоящее время мы имеем ситуацию, когда есть механическая популистская версия этой деятельности, которую мы называем демократией. И именно она преобладает в странах.

Мы уже говорили много о том, что происходит в Европе и США, но мне надо добавить, что очень печально то, что моя собственная страна Индия, родная страна, три года тому назад сделала выбор в пользу правой религиозной партии. И такого рода повестка дня, которую исповедует эта партия, вызвала бы опасения в Европе.

Но там, где я живу и работаю – в Великобритании, – постоянно сейчас говорят о Брексите. Есть механическое понимание того, что может произойти. То есть голосование было 51 % –

приблизительно проголосовали 50 % на 50 %. Логично ли, что вы можете принимать такое важное решение, когда большинством лишь в 1 % решают вопрос? Такие маленькие проценты могут меняться. Необходимо более заметное понимание того, что является важным решением большинства. Не только это важно. Люди, которые имеют самую большую надежду на будущее, молодые люди, были исключены из процесса голосования по вопросу о Брексит. Это было скрыто от широкой публики, этот факт.

Брексит в Великобритании оказался российским по содержанию. Это очень важные вопросы. И это опять выводит нас к вопросу об образовании людей, поскольку я работаю в университете. Как вы организуете ваше общество? Это очень важный момент. Определенные ценности должны присутствовать.

У нас есть традиции, мы ведем большие дебаты. Естественно, сейчас мы глобально ведем вопросы о дебатах.

[01:30:06]

Образование – это право, которым должны пользоваться люди, или это товар, который можно покупать и продавать. И когда мы начинаем говорить о покупке и продаже образования, тогда спрашиваем: «А о каком образовании идет речь?». Естественно, может уже пропадать социальный аспект. Поэтому это рассуждение приводит нас к очень странному выводу. Например, один из ключевых моментов в этой дискуссии был о том, каким образом инвестиции в образование доходят до получателей. Когда мы производим такой вывод, то мы изменяем эту систему ценностей, работая в области образования. И когда образование становится предметом купли-продажи, тогда мы теряем долгосрочное представление о потребностях общества.

Создается очень интересная история. Инвестиции в науку снижаются, и даже отменяются. И, по сути дела, можно принимать соблюденные решения, которые могут быть названы демократическими, потому что люди соглашаются. Но это разрушает социальную ткань общества.

Мы говорили о том, что произошло с Российской академией наук. Это является еще одним примером того же дела. Мы должны посмотреть на глубинные корни этих вопросов, и очень много зависит от того, как мы организуем наше общество. Мы можем смотреть на это дело, но не механически.

Руслан Гринберг: Время истекает, но у меня есть один долг перед моим другом и коллегой, и очень интересным социал-демократом – социал-демократ левой ориентации. Бывает разная ориентация у социал-демократов, но он левой ориентации. Имеет право на

существование, тем более в то турбулентное время, в которое мы живем. Итак, профессор Бузгалин Александр Владимирович, серьезный ученый и просветитель, я бы сказал. Поэтому мы ему дадим целых пять минут.

Александр Бузгалин: Руслан Семенович удивительно добр, он мне разрешил, в конце концов, подняться с кресла, даже позволил снять надпись Мирко Хемпель, чтобы никто не перепутал, что это Бузгалин, и дал вместо 10 минут целых 5, так что я ему искренне благодарен.

Если говорить серьезно, то, конечно же, это была шутка. Главное, о чем я хотел сегодня сказать, воспользовавшись этой возможностью – это о необходимости обновления социал-демократического проекта. На самом деле, я человек гораздо более левых взглядов. В строгом смысле слова я бы назвал себя коммунистом, если бы слово «коммунизм» не ассоциировалось то ли с ГУЛаг, то ли с КПРФ. В общем, сложно с этим словом. Но сейчас я буду говорить о программе минимум для Бузгалина, и, наверное, программе максимум для большинства здесь присутствующих.

Традиционная дилемма – это дилемма либо сохранить и возродить то, что делали социал-демократы в 1950-60-е годы, и что отчасти сохраняется сегодня в Европе, в значительной части сохраняется, либо отказаться от этого, потому что это устарело. Как ни странно, оба тезиса одновременно правильные и неправильные. Они оба правильные, потому что то, что было в Европе в 1950-60-е годы, устарело, и в этом смысле возвратиться нельзя. Но, в то же время, можно и должно идти дальше, опираясь на достижения 1950-60-х годов.

Я бы хотел подчеркнуть, что во многом социал-демократический проект сегодня извращен. Мой коллега, встречая меня в аэропорту Берлина по дороге на очередную конференцию, сказал, что «Сегодня в Германии стало много грязи» – «Почему?» – «Работает странная система. Государство отдает деньги на социальные нужды частным компаниям. Частные компании нанимают турецких подрядчиков, которые занимаются уборкой улиц. А турецкие рабочие нелегально нанимают русских эмигрантов, которые все это чистят. Но поскольку русские чистят вы знаете как, то в Берлине грязно, а эти деятели получают по 200-300 евро, чего, в принципе, в Европе быть не может, потому что минимальная зарплата 800-900-1000 или выше».

[01:35:04]

Выход. Во-первых, полностью реализовать то, что было когда-то предложено социал-демократии, и остается актуальным до сих пор.

Второе. Решить целый ряд проблем, которые не хотела решать социал-демократия, и до сих пор задумывается и боится их решать.

Традиционная модель: «Производство рыночное, частное, социальность начинается в перераспределении доходов». Это устарело. Значительная часть производства может быть не рыночным, бесплатным, и ориентированным на решение общественных благ.

Традиционная дилемма пенсионеров – они сидят у шеи у общества, они бездельники, проедают общественные деньги. А почему не предложить им работать бесплатно, совместно, коллективно работать? Даже для социал-демократов работать бесплатно – это нонсенс. А ведь люди – это не только те, кому надо больше денег и меньше работать. Люди – это те, кто может и будет работать, если их будут хвалить, если это будет интересная работа, если она будет уважаемая. Престижная уважаемая творческая социальная бесплатная работа – это решение, о котором думать даже запрещено.

Второе решение – это такая же работа для безработных. Традиционно говорят: «Нет, у бедных есть бездельники». Это вообще неправда. В частности, это касается того, что значительная часть безработных – я думаю, все безработные, – могут и должны получать общественную работу. Не унижительно труд за 1 евро, символический, когда они в качестве неуважаемых подсобников убирают грязь, а труд, где эти люди будут реализовываться в общественной деятельности по восстановлению общества, природы, решению социальных, педагогических и так далее задач на основе самоорганизации. Хочешь получать пособие – работай. Совместно, добровольно, на коллективных принципах, на принципах солидарности.

Третий компонент, о котором я сегодня скажу, и на этом закончим – это четкое разграничение социального, общественного сектора и частного сектора. Частный бизнес получает огромное количество благ бесплатно от общественного сектора, начиная от музыки Чайковского или картинки медведей, которые используются для рекламы, или Моцарта, которого изнасиловали уже везде в Австрии, которого я люблю, в коммерческих целях, и заканчивая бесплатным образованием, которое используется для того, чтобы делать деньги корпорациям. За любое общественное благо частный бизнес должен платить обществу. Хочешь картинку – плати. Хочешь музыку – плати. Хочешь специалиста из государственного вуза – плати. И так далее. Технические решения для этих проблем есть.

И последнее в оставшиеся 23 секунды. Я бы предложил с целью развития рынка, на котором должна быть симметрия информации и снижение нагрузки на общество, а также ухода от общества потребления и общества симулякров, запретить вообще коммерческую

рекламу. Еще раз: вообще запретить коммерческую рекламу. В этом случае потребитель будет получать информацию: «Вот такой-то раствор ортофосфорной кислоты со жженым сахаром – столько-то килокалорий, с одной стороны. Раствор сахара с соком шиповника – с другой стороны. Раствор хлеба без сахара – с третьей стороны». «Кока-кола», «Буратино», «Квас». Никакого рекламы, симметрия информации, рынку от этого хорошо, потребителям еще лучше. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо. Это очень интересные идеи. А как же будут жить тогда средства массовой информации? Или запортить?

Александр Бузгалин: А средства массовой информации будут жить на деньги людей. Если людям эти средства массовой информации не нужны, они им не заплатят. Если нужны, через краудфандинг получают деньги.

Руслан Гринберг: А если у людей денег нет на колбасу?

Александр Бузгалин: У людей есть деньги для того, чтобы платить за рекламу. Мы платим огромное количество денег за рекламу. Треть издержек в крупных корпорациях – это издержки на рекламу. Цены могут быть снижены на треть, особенно если это будет общественное регулирование.

Руслан Гринберг: Я понял. Что ж, дороге друзья? У нас осталось 5 минут. Кто-то хочет сказать что-то из моих участников?

Михаил Горшков: Буду по принципу «не могу молчать». Меня настолько взбудоражило выступление Александра Владимировича Бузгалина, что я бы хотел предложить порассуждать нам всем вместе, может быть, уже на дому. Каждая идея или проект становятся материальной силой, когда овладевают массами, обществом. Возникает вопрос: социал-демократический проект, который мы хотим возродить, продвинуть, с опорой ли на 1950-е годы, 1960-е, он какую потребность в обществе имеет? Каковы шансы, чтобы этот проект стал распространенным, был поддержан социальной почвой?

[01:40:07]

Я сегодня говорил вначале о том, что почва есть, и почва очень большая, но потенциальная. Как сделать так, чтобы она стала реальной?

Руслан Гринберг: Принуждать к счастью. Теория принуждения к счастью должна работать.

Марко Риччери: У нас сейчас есть социальный класс, очень хорошо определенный. Это прекариат, которые представляют этот мир, которые защищают этот мир. Это происходит везде.

Второе. Технологическая революция предлагает новые возможности экономического развития, разного рода кооперационная экономика и так далее. Это означает, что тип экономической жизни, в которой вы будете возрождать принцип солидарности людей, работающих вместе. Это возможность того, когда социальные ценности с точки зрения политических ценностей могут быть связаны вместе.

В социал-демократических терминах надо рассматривать факт, как баланс между правами и обязанностями поддерживается в обществе. Общество быстро идет в ту серую зону после требования различных прав. А здесь права становятся правильным делом, а обязательство становится неправильным аспектом жизни. Это неверно – потеряем баланс. Это фундаментальный вызов, который бросает социал-демократия.

Кто эксплуатирует сейчас? Уже больше не рабочие и не рабочий класс. Все эти рассуждения о рабочих, о прекариате не ведут нас к решению проблемы, для того, чтобы обогатить людей. Эксплуатируются потребители – вот кто эксплуатируется. Современный капитализм, который нападает на нас и давит на нас как потребителей. Если бы Маркс был сегодня, он бы сказал: «Перестаньте заниматься протекционизмом и защищать рабочий класс», потому что в настоящее время для того, чтобы зарабатывать деньги из чего-либо, нам нет нужды... Мы эксплуатируем потребителей, поэтому нужно просто передумать то, как мы думаем.

Руслан Гринберг: Поддерживаете ли вы идеи товарища Бузгалина о запрете коммерческой рекламы? Это совпадает с вашим предложением?

Марко Риччери: Я понимаю, что решение задачи, которая перед нами стоит, без ответа на вопрос, что будет со средствами массовой информации, потому что средства массовой информации используются для манипулирования общественным мнением, и это средство обмана людей, мошенничества. В последней книге я использовал термин «честная экономика». Люди реагируют так, как их учат СМИ. А можно ли сделать СМИ без правительства или правительство без СМИ? Не думаю, что можно сказать. Кто же прав, кто неправ? Если у вас есть демократия, то необходимо иметь СМИ. Но в этом случае вам приходится 25 часов в сутки сопротивляться, бороться с ложью. Русские верят тому, что им говорят СМИ, а не то, что им говорит профессор Гринберг или РАН. Вот в чем проблема.

100-150 лет назад этой проблемы не существовало.

Руслан Гринберг: Но СМИ существуют всегда.

Марко Риччери: Иногда они также берут интервью у профессора Гринберга.

Андрей Гудков: Вы мне задавали хороший вопрос: социал-демократы что должны делать? Не могут ли они сосредоточиться на социальной повестке, а не бороться за демократию, или наоборот? Я бы с удовольствием сосредоточился на социальной повестке, боролся бы за права. Я считаю, что роль государства в социальном регулировании чрезвычайно важна, и разумное регулирование государства, его роль, безусловно, выравнивает экономическое положение различных слоев населения. Но беда в том, что, Руслан Семенович, мы с вами сегодня бессильны заниматься этими вопросами, поскольку любые преобразования, любые изменения наступают тогда, когда в стране у социал-демократов есть либо власть, либо возможность влиять на власть. Ни того, ни другого – нас сегодня с вами лишили этих удовольствий, поскольку власть узурпирована в стране, обратной связи с властью нет никакой, править они собираются вечно, слушать они никого не собираются, и вообще их цель – вовсе не социальное благо для народа, а совершенно четкая цель коррупции как средства обогащения. Поэтому я бы рад заниматься и призывать социал-демократов укрепить социальное братство, социальную солидарность и справедливость. Наверное, мы кое-что можем делать вместе с независимыми профсоюзами, коих все меньше и меньше в России. Все остальные зависимы и встроены в систему.

Например, сегодня у нас началась в стране забастовка водителей большегрузов. Наверное, социал-демократам надо обязательно это поддержать. Прийти к людям и поддержать, где-то юридической помощью, где-то написанием каких-то бумаг, где-то просто защитить от полицейского произвола, поддержать в медийных возможностях, если они у нас есть. Но мы с вами очень маленькими возможностями располагаем. Это, наверное, единственное, что мы можем сделать сегодня в социальной сфере – поддержать борьбу трудящихся за их права, за их интересы. Все остальное – к сожалению или к счастью, но принимайте это как факт – в первую очередь лежит в наших приоритетах, а это борьба за восстановление или установление в России демократических свобод и механизмов. Без этого никаких преобразований не будет. И без этого никакого экономического развития не будет, поскольку эта надстройка сегодня – она даже по Марксу и Энгельсу может быть очень сильно автономной – является кандалами для России, она является неподъемным грузом, и она обязательно угробит экономику России, сколько бы она ни рассуждала, эта надстройка, о преимуществах инвестиционной политики и инвестиционного климата в России.

Руслан Гринберг: Я понял. Кто согласен с такой точкой зрения? На этой оптимистической ноте мы должны закончить наше заседание. Я всем благодарен за ваше внимание, терпение. У нас, слава богу, было все-таки немножко больше докладчиков, чем слушающих, и это уже успех мероприятия. Спасибо. Всем хорошего вечера.

№14. Круглый стол «Кризис капитализма: социал-демократический ответ»

[01:53:14] [Конец записи.]